ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

ВП 122

# РЕВОЛЮЦІОННАЯ РОССІЯ

*Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.*

№ 41 15 Февраля 1904 г.

## „ОТЕЧЕСТВО ВЪ ОПАСНОСТИ!"

«Отечество въ опасности! Забудемъ на время раздоры и [об]единимся вокругъ обожаемаго монарха на защиту отечества!» — таковъ лозунгъ самоновѣйшей, грандіознѣйшей, кровавой [сп]екуляціи русскихъ хунхузовъ, предводимыхъ господиномъ [ф]онъ-Плеве, «Новымъ Временемъ» и «Московскими Вѣдомостями». И — безъ малѣйшей передышки — они приступаютъ къ [и]сполненію своей патріотической программы, умиротворяющей внутри, укрѣпляющей извнѣ: они закрываютъ Техническій и кастрируютъ Пироговскій съѣздъ, ссылаютъ Г. Фальборка, присяжныхъ повѣренныхъ Переверзева, А. Кремлева, [ли]тератора Ю. Лавриновича и др. либераловъ за то только, [что] тѣ — независимые люди; отмѣняютъ устройство санаторіи [для] больныхъ студентовъ на томъ основаніи, что весной на [нихъ] ждутъ волненій, отмѣняютъ Земское Положеніе въ Тве[ри] въ Москвѣ, назначаютъ военный судъ надъ Гершуни, [то]мимымъ въ оковахъ, проектируютъ, какъ акомпаниментъ [п]одъему вѣрноподданическихъ чувствъ, новое расширеніе [терри]торіи усиленной охраны и — о верхъ монаршей милости! [Въ] твердомъ уповании на единодушную готовность всѣхъ [вѣрн]ыхъ Нашихъ подданыхъ встать вмѣстѣ съ Нами на за[щиту] отечества»! (манифестъ 27 янв.), «высочайше» разрѣ[шен]ъ политическимъ поднадзорнымъ быть отправленными [на войну] во славу его величества, но съ тѣмъ, чтобы и самый [по]жертвованія своею жизнью былъ избавленъ отъ поли[цейс]каго наблюденія не иначе, какъ «по соглашенію мини[стра] Внутреннихъ Дѣлъ съ министромъ Юстиціи».

[Так]овы акты правительственнаго «забвенія раздоровъ», та[ко]ва политика единства ради блага отечества, которую [р]екомендуютъ намъ для руководства.

[М]ы не замедлимъ отвѣтить достойнымъ образомъ на эти [сло]ва, такъ какъ вполнѣ согласны съ тѣмъ, что «отечество [въ о]пасности». Да, оно въ опасности, — отъ нихъ же, отъ [эт]ихъ хунхузовъ и — въ большей опасности, чѣмъ когда[-либо]. До сихъ поръ они грабили, насиловали, убивали, такъ [сказа]ть, одними домашними средствами; теперь, своими без[умн]ыми, разорительными авантюрами на дальнемъ Во[сто]кѣ они вызвали на поле дѣйствія японцевъ и въ то вре[мя ка]къ г.г. фонъ-Плеве, Колупаевъ и Ко будутъ распредѣ[ля]ть по своимъ карманамъ результаты кроваваго труда рус[ск]ихъ массъ, глушить и фальсифицировать русскую мысль, [уст]раивать кровавыя бани на златоустовскій и кишиневскій [о]бразецъ внутри имперіи, — японцы, дѣйствуя извнѣ, созда[д]утъ массу сверхштатныхъ поводовъ для усиленнаго «распре[д]ѣленія» народнаго достоянія, будутъ исправно разстрѣливать всѣхъ зараженныхъ духомъ недовольства, кого отцы-командиры для этого пошлютъ на Востокъ, дадутъ предлогъ для [у]силенія правительственнаго террора внутри имперіи, а главное — отвлекутъ, временно, конечно, народную мысль и чув[с]тво отъ безобразій и преступленій самодержавія. Русскіе хунхузы отлично знаютъ справедливость русской поговорки: «сердце не камень», хотя и не слѣдуютъ ей. Они твердо увѣрены, что когда земля покраснѣетъ отъ теплой крови, пролитой «внѣшнимъ врагомъ»; когда десятки тысячъ нашихъ братьевъ и сыновей будутъ валяться на соломѣ въ тифѣ и диссентеріи; когда десяткамъ тысячъ нужна будетъ корпія, вино и нѣсколько рублей изъ домашнихъ сбереженій; когда чуть не въ каждой русской семьѣ водворится либо трауръ, либо призракъ дорогого, отсутствующаго, блѣднаго, измученнаго лица, — тогда коллективное народное сердце дрогнетъ и глаза всѣхъ, умѣющихъ чувствовать по-человѣчески, обратятся на дальный Востокъ.

Но г.г. хунхузы ошибаются, полагая, что все это остановитъ освободительное движеніе.

Отечество въ опасности!

Въ опасности оно не потому, чтобы самодержавно-кулацкая афера, разыгрывающаяся за счетъ дальняго Востока грозила въ концѣ концовъ укрѣпить самодержавно-хищническій «порядокъ» на Руси, — напротивъ, мы твердо увѣрены, что «порядокъ» этотъ роетъ себѣ теперь болѣе глубокую яму, чѣмъ когда-либо! — а потому, что освобожденіе будетъ куплено цѣною страшныхъ жертвъ, которыя вовсе для него не необходимы и которыхъ, поэтому, можно было бы избѣжать. И отвѣтственность за это падаетъ на наше самодержавіе.

Миллiарды народнаго достоянія, результаты неустанной работы массъ будутъ, подъ барабанный бой, пущены на вѣтеръ; тяжесть безпроцентнаго долга, именуемаго «выпускомъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ», ляжетъ на трудовыя плечи; сотни тысячъ людей — бѣлолицыхъ и желтолицыхъ — обращены будутъ въ трупы, либо въ калѣкъ; барабанный патріотизмъ надолго одурманитъ японскія массы, уже сдѣлавшія большіе успѣхи въ классовомъ самосознаніи, и задержитъ пріобщеніе этой части человѣчества къ международному соціализму. А безбрежное море личныхъ страданій — физическихъ и душевныхъ — связанныхъ съ внѣшней войной?... Наше внутреннее освобожденіе совершилось бы и безъ этихъ добавочныхъ ужасовъ и вотъ почему мы объявляемъ войну этой безсмысленной, разорительной и самодержавно-капиталистической войнѣ. Мы объявляемъ войну этой войнѣ во имя человѣческаго блага и нашихъ соціалистическихъ идеаловъ.

Наши хунхузы увѣряютъ, (см. «Моск. Вѣд.» № 33), что дѣла на дальнемъ Востокѣ приняли роковой оборотъ потому, что Россію хотятъ «принудить отказаться отъ ея матеріальныхъ интересовъ и отъ національныхъ вѣковыхъ своихъ задачъ».

«Матеріальные интересы Россіи» суть интересы ея трудового народа. Ея «національныя вѣковыя задачи» состоятъ въ установленіи на русской территоріи общественной, политической и экономической справедливости примѣнительно къ ея этнографическому составу, историческому прошлому и географическимъ условіямъ, — а также во внесеніи своей творческой доли въ мирное, братское, прогрессивное развитіе человѣчества.

Не трудно видѣть, что авантюры на дальнемъ Востокѣ на-

менѣе максимальна, чѣмъ, по отношенію къ строю, уже освобожденному отъ классоваго господства, буржуазіи, опредѣленна, принципіальна и максимальна чисто-соціалистическая наша программа. Иными словами, программа-минимумъ не должна быть программой компромиссовъ, въ противоположность программѣ-максимумъ; она должна служить ничуть не менѣе, чѣмъ программа-максимумъ, цѣлямъ революціоннаго по существу своему дѣйствія; короче, она есть лишь одна изъ сторонъ той совокупности нашихъ практическихъ домогательствъ, которыя, въ суммѣ, ведутъ *къ неустранимому торжеству соціализма.*

Таково взаимное отношеніе программы-максимумъ и программы-минимумъ, какъ понимаемъ ее мы, соціалисты-революціонеры.

---

## ВОЙНА.

**Международныя отношенія.** Въ 1895 г. японцы, послѣ побѣдоносной войны съ Китаемъ, заняли южную часть Манчжуріи — Ліаотунгскій полуостровъ. Царское правительство выступило во имя международнаго мира и 25 апрѣля того-же года отправило Японскому правительству слѣдующую ноту: «Разсмотрѣвъ японскія требованія отъ Китая, русское императорское правительство пришло къ убѣжденію, что японская оккупація полуострова Ліаотунга угрожаетъ китайской границѣ и независимости Кореи и потому вредна для сохраненія мира на дальнемъ Востокѣ. Воодушевленное сердечной дружбой къ Японіи, русское императорское правительство рѣшило поэтому посовѣтовать японскому государю совершенно отказаться отъ владѣнія полуостровомъ Ліаотунгомъ».

Японія должна была покориться передъ угрозой Россіи, Германіи и Франціи, послѣ чего Россія немедленно заняла Манчжурію.

27 марта 1898 года Россія получила отъ Китая въ аренду Портъ-Артуръ и Таліенванъ (теперь Дальній). Договоръ гарантировалъ Китаю его суверенныя права и прямо заявлялъ: «Желѣзно-дорожная концессія не должна ни подъ какимъ видомъ и никогда служить предлогомъ для занятія китайской территоріи или вмѣшательства въ китайскія дѣла или во вреду китайскихъ интересовъ». 28 августа 1900 г., во время возстанія боксеровъ, русскій посланникъ сдѣлалъ формальное заявленіе британскому правительству о томъ, что Россія будетъ стремиться избѣгать всякихъ шаговъ, которые могли бы привести къ раздѣлу Китая. Въ виду этого англійскій посланникъ въ Петербургѣ доносилъ въ Лондонъ: «Говорили о томъ, будто Россія хочетъ использовать кризисъ въ Китаѣ въ видахъ расширенія своихъ владѣній и занятія праваго берега Амура и Ньючванга. Это предположеніе совершенно невѣрно. Всѣ мѣста, занятыя ею вслѣдствіе возстанія боксеровъ, будутъ очищены ею, какъ только порядокъ будетъ возстановленъ».

8 апрѣля 1902 г. русское правительство заключило съ Китаемъ трактатъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «1) Русскій императоръ, руководясь желаніемъ дать новыя доказательства своей любви къ миру и дружбы китайскому императору.... изъявляетъ свое согласіе на возстановленіе китайскаго господства надъ Манчжуріей, остающейся нераздѣльной частью китайской имперіи и возвращаетъ Китаю верховную власть надъ областью, занятой русскими войсками. 2) Въ теченіи шести мѣсяцевъ по подписаніи этого трактата Россія должна очистить провинцію Мукденъ и передать желѣзную дорогу въ китайское управленіе».

Полное очищеніе должно было произойти 8 октября 1903 г., чего не произошло, и что дало непосредственный поводъ къ теперешней войнѣ.

5-го февраля (23 января ст. ст.) 1904 г. японскій посланникъ передалъ царскому правительству заявленіе, въ которомъ было сказано, между прочимъ, слѣдующее: «Это поведеніе Россіи, соединенное съ отказомъ заключить договоръ на счетъ верховныхъ правъ Китая въ Манчжуріи, которая, не смотря на всѣ русскія увѣренія и договоры, находилась подъ угрозой постоянной русской оккупаціи, побудило Японію взвѣсить мѣры для самозащиты, тѣмъ болѣе, что Россія старалась затянуть переговоры, въ то же время увеличивая свои сухопутныя и морскія силы, что находилось въ противорѣчіи съ ея мирными цѣлями».

Этимъ дипломатическія, т. е. мирныя международныя отношенія между двумя державами были разорваны.

**Мнѣніе англійской соціальдемократіи.** Одинъ изъ талантливѣйшихъ вожаковъ англійскаго соціализма, извѣстный Г. М. Гайндманъ, помѣстилъ въ «Justice» обстоятельную статью о русско-японскомъ столкновеніи. «Требованія Японіи», говоритъ онъ между прочимъ, «только законны. Японія потребовала, чтобы Манчжурія, въ высшей степени недобросовѣстно захваченная Россіей у Китая въ качествѣ залога, который она обѣщала возвратить, была бы признана частью Китайской Имперіи». . . . «Для Россіи обладаніе Манчжуріей есть лишь новый шагъ впередъ въ ея постоянной практикѣ захватовъ и территоріальнаго расширенія. Для Японіи это ни больше, ни меньше, какъ вопросъ жизни и смерти. Разъ Россія осядется, въ силу молчаливаго согласія, на такомъ разстояніи, съ котораго она, при первомъ удобномъ случаѣ, можетъ ударить на Тіенъ-Цзинъ и Пекинъ, въ ея власти будетъ не только расчлененіе Китая, но, съ теченіемъ времени, уничтоженіе и самой Японіи, какъ независимой націи; а потому каждый, кто держится, какъ мы, того мнѣнія, что азіаты имѣютъ полнѣйшее право вырабатывать свое собственное будущее безъ помѣхи со стороны недобросовѣстной европейской цивилизаціи; всѣ, кто признаетъ, какъ мы, что распространеніе на Китай гнусностей россійскаго управленія

---

## ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

Въ № 54 «Искры» напечатана статья Г. Плеханова «Почему и какъ мы разошлись съ Вѣстникомъ Народной Воли», — статья, имѣющая цѣлью передать читателю одинъ изъ мало-извѣстныхъ эпизодовъ нашего революціоннаго прошлаго, «не лишенный», по словамъ автора, «поучительности».

Такъ какъ, во многихъ своихъ частяхъ, статья Г. Плеханова не можетъ не вызывать цѣлаго ряда сомнѣній и недоумѣній, особенно со стороны лицъ, болѣе или менѣе знакомыхъ съ дегаевской исторіей, о которой въ ней идетъ рѣчь, то для болѣе точнаго выясненія затронутыхъ авторомъ событій необходимо было списаться и переговорить лично съ нѣкоторыми изъ еще уцѣлѣвшихъ современниковъ этой эпохи; результатами наведенныхъ справокъ мы и хотимъ подѣлиться теперь съ читателями «Революціонной Россіи».

Воспоминанія, напечатанныя Г. Плехановымъ въ № 54 «Искры», касаются того кратковременнаго сближенія между чернопередѣльцами и народовольцами, которое произошло вскорѣ послѣ событія 1-го марта 1881 года. Однимъ изъ проявленій этого сближенія было приглашеніе Плеханова къ участію въ редактированіи научно-революціоннаго журнала «Вѣстникъ Народной Воли». Самая мысль объ изданіи этого журнала заграницей возникла около того же времени.

Что касается вышеупомянутаго кратковременнаго сближенія чернопередѣльцевъ съ партіей Народной Воли, то врядъ-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что оно было вызвано, прежде всего, политическими успѣхами послѣдней. Та удивительная по своей энергіи политическая борьба, которую вела Народная Воля въ теченіи 79-81 г.г., не могла не привлечь къ ней всѣхъ тогдашнихъ революціонныхъ силъ и сдѣлала изъ нея единственную дѣйствующую революціонную партію въ Россіи. Доминирующее вліяніе Народной Воли въ этотъ періодъ нашего революціоннаго движенія констатируется даже тѣми изъ авторовъ, которые, относясь въ своихъ историческихъ очеркахъ вполнѣ отрицательно къ народовольческому движенію, принуждены тѣмъ не менѣе говорить въ нихъ, какъ объ «увлеченіи всѣхъ лучшихъ революціонныхъ силъ террористической борьбой» въ этотъ періодъ, такъ и о «геройскихъ подвигахъ партіи Народной Воли, прославившихъ ея имя по всему міру».*) Такая выдающаяся роль единственной въ то время активной революціонной партіи въ Россіи не могла, конечно, не оказать своего притягательнаго дѣйствія также и на чернопередѣльцевъ и не могла не поколебать въ нихъ ихъ прежняго отрицательнаго отношенія къ политической борьбѣ. Извѣстно, напримѣръ, что одинъ изъ ихъ очень видныхъ представителей, Я. Стефановичъ, формально вступилъ, осенью 1884 года, въ организацію Народной Воли; извѣстно также, что измѣнившееся отношеніе чернопередѣльцевъ къ политической борьбѣ сильно отразилось тогда на направленіи ихъ официальнаго органа, гдѣ авторы нѣкоторыхъ

---

*) «Красное знамя въ Россіи», изданіе организаціи «Соціалъ-Демократъ», Женева, 1900 года.

въ Азіи и Европѣ (какъ и гнусностей британскаго управленія въ Индіи) было бы въ высшей степени вредно для человѣчества, — всѣ такія лица должны неизбѣжно желать Японіи успѣха въ предстоящей войнѣ».

Указавъ затѣмъ на поддержку, которую европейская реакція всегда встрѣчала въ оффиціальной Россіи, Гайндманъ продолжаетъ: «По отношенію къ русскому народу мы одушевлены полнымъ уваженіемъ, симпатіей и надеждой на лучшее его будущее. Его вожди ведутъ въ высшей степени славную борьбу — одну изъ самыхъ опасныхъ, когда-либо веденныхъ за прогрессъ человѣчества. Въ теченіи послѣдней четверти прошлаго столѣтія мы познакомились со многими изъ этихъ героевъ, и, въ качествѣ англичанъ, мы страстно желаемъ пришествія того времени, когда мы и тѣ люди, мужчины и женщины, интересы которыхъ эти герои такъ безстрашно, а въ настоящее время и такъ успѣшно защищаютъ, будемъ стоять плечомъ къ плечу въ великомъ заключительномъ бою за освобожденіе человѣчества отъ экономической и соціальной тираніи всякаго рода. Но русское правительство съ его царемъ, и царя съ его правительствомъ, повторяю, мы ненавидимъ и будемъ радоваться ихъ низверженію».

**Мнѣніе французскихъ соціалистовъ. Вальянъ.** Старый вождь революціоннаго соціализма во Франціи, бывшій дѣятель Коммуны и неизмѣнный другъ русскаго рабочаго класса, Эдуардъ Вальянъ, высказался слѣдующимъ образомъ по поводу роли Франціи въ теперешней войнѣ.

«Только теперь, до очевидности, выяснилось, какою смертельной опасностью для цивилизаціи и для насъ является чудовищный союзъ между французской республикой и царскимъ самодержавіемъ. Поэтому мы должны все предвидѣть, даже безуміе и преступленіе нашихъ правителей и депутатовъ. Патріотизмъ, которымъ они хвалятся, долженъ былъ бы предохранить насъ отъ такой опасности; но если ихъ умъ, ихъ воля окажутся негодными и повлекутъ насъ къ войнѣ, нужно, чтобы *мы* спасли страну отъ этой опасности. Мы это сможемъ, если захотимъ. Европейская война, каковъ бы ни былъ ея результатъ, приведетъ къ милитаризму, который кровью и желѣзомъ оснуетъ свое господство во Франціи, доведенной до безсилія, разоренной, превратившейся въ монархію, изолированной между враждебно относящимися къ ней Англіей, Германіей и Италіей; приведетъ къ паденію цивилизаціи, къ отсрочкѣ пролетарской революціи, къ торжеству реакціи и капитализма!

«Этого не будетъ, этого не должно быть...

«Поэтому мы должны уже теперь имѣть въ виду то, что намъ придется дѣлать. Если пролетаріатъ всѣхъ странъ, если французскій пролетаріатъ не отвѣтитъ въ достаточной степени на нашъ призывъ, если онъ не съумѣетъ *всеобщей стачкой* защитить себя, свою жизнь, свои стремленія, свое освобожденіе, тѣмъ настоятельнѣе будетъ наша обязанность сдѣлать все, не отступая ни передъ чѣмъ, чтобы спасти его, отклонить опасность, избѣгнуть войны. Наше благо выше мира, и мы должны рѣшиться на все, чтобы не допустить до войны. *Лучше возстаніе, чѣмъ война!*»

**Жоресъ.** На Сентъ-Этьенскомъ соціалистическомъ конгрессѣ не менѣе рѣшительно высказался по поводу войны вождь другой соціалистической фракціи, Ж. Жоресъ. Онъ также болѣе всего боится, какъ бы пресловутый союзъ съ Россіей не вовлекъ Францію въ столкновеніе съ Англіей. «Если, — говоритъ онъ, — въ парламентѣ будетъ внесено предложеніе вмѣшаться въ войну, мы (соціалистическіе депутаты) твердо рѣшили бороться противъ него всѣхъ силъ, самой неумолимой и неукротимой систематической обструкціей». Однако, необходимость поддерживать стоящее у власти республиканское министерство заставляетъ Жореса быть весьма условнымъ въ своихъ заявленіяхъ. «Если мы допустимъ», говоритъ онъ, «паденіе настоящаго большинства и министерства, это будетъ не въ пользу соціальной политики, не въ интересахъ пролетаріата. Только реакція поправила бы свои дѣлишки въ неурядицѣ, которая возникла бы въ такомъ случаѣ». «Я не требую», говоритъ далѣе Жоресъ, «чтобы французская дипломатія грубо порвала съ той политикой, въ которую она безразсудно вмѣшалась... но не будемъ, по крайней мѣрѣ, держать себя вызывающе по отношенію къ Англіи и Японіи, а, когда тревожное время пройдетъ, мы сможемъ мало по малу ослабить узы этого безпримѣрнаго и безразсуднаго союза».

**«Общая федерація труда»** (Confédération Générale du Travail) также отказалась на войну воззваніемъ къ рабочимъ. Она считаетъ, что эта война есть сведеніе счетовъ между буржуазными правительствами. Значеніе ея для русскаго рабочаго — отрицательное; она «возбуждаетъ шовинистическія чувства и грозитъ угасить духъ освобожденія, проникшій уже въ среду русскихъ рабочихъ».

**Отношеніе буржуазовъ.** Рѣшеніе французской демократіи противиться самымъ энергичнымъ образомъ поддержкѣ русскаго правительства французскимъ оружіемъ въ настоящей войнѣ имѣетъ не одно принципіальное значеніе. Однако, въ направленіи оффиціальныхъ судебъ Франціи буржуазія имѣетъ рѣшающую долю (пока дѣло не дошло до революціи). Поэтому, для рѣшенія вопроса, слѣдуетъ ли оффиціальной Россіи ожидать дѣйствительно помощи съ этой стороны, важно считаться съ настроеніемъ французскаго средняго класса и представляющей его журналистики.

Извѣстіе объ открытіи военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ вызвало панику на парижской биржѣ и страшный переполохъ во французской прессѣ. Какъ далеко заходятъ обязательства, взятыя на себя Франціей по франко-русскому договору? Касается ли договоръ только европейскихъ дѣлъ

редакціонныхъ статей стали прямо доказывать тогда цѣлесообразность террористической борьбы въ Россіи. Не желая загромождать эту замѣтку длинными цитатами, мы ограничимся для подтвержденія всего сказаннаго лишь слѣдующею выпиской изъ Туна, излагающаго въ этомъ мѣстѣ содержаніе редакціонныхъ статей въ № № 3 и 4 «Чернаго Передѣла», причемъ мы предпочитаемъ привести эту цитату по соціалъ-демократическому переводу Туна, изданному съ предисловіемъ и примѣчаніями самихъ бывшихъ чернопередѣльцевъ:

«Чернопередѣльцы не вполнѣ*) отрицаютъ пользу террора. Крупные террористическіе явленія могутъ быть весьма цѣлесообразными, какъ искры, воспламеняющія революціонное движеніе. Неожиданный смѣлый ударъ вверху и рядъ систематическихъ нападеній внизу разрушатъ старое экономическое и политическое зданіе, и на развалинахъ его появится новый строй. Позднѣе (№ 4) терроръ восхваляется за то, что онъ побуждаетъ народъ начать и съ своей стороны активную борьбу. Идея царскаго авторитета будетъ уничтожена и возрастетъ вѣра въ собственныя силы. Но такъ какъ прежде необходимо организовать въ деревняхъ народную партію борьбы, то главныя силы партіи не должны идти на борьбу съ центральнымъ правительствомъ. Такимъ образомъ, успѣхи терроризма не остались безъ вліянія на направленіе противной партіи (т. е. чернопередѣльческой). Послѣдняя прониклась убѣжденіемъ въ пользѣ террора и пришла къ мысли органически связать терроръ со своими идеями. Къ 1881 году эта партія уже рекомендуетъ систематическій аграрный и фабричный терроръ, какъ средство борьбы» (стр. 167-68).

Мы видимъ, слѣдовательно, что къ 1881 г. главной причины разногласій, вызвавшаго въ 1879 г. расколъ въ обществѣ «Земля и Воля» и приведшаго къ выдѣленію изъ него группы чернопередѣльцевъ, а именно — отрицанія ими непосредственной борьбы съ самодержавіемъ, фактически уже не существовало; и это естественно должно было повести за собою невольное стремленіе къ сближенію. Въ сущности, въ тѣхъ же главныхъ чертахъ излагается дѣло и въ статьѣ Г. Плеханова: «Политическая борьба съ правительствомъ, которую съ такой героической энергіей вели когда народовольцы, — говоритъ онъ, — сначала выступала передъ нами совсѣмъ не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ она представлялась намъ во время распаденія общества „Земля и Воля“» (стр. 57). Происшедшая при этомъ перемѣна состояла въ томъ, — такъ разъясняетъ это далѣе авторъ, — что чернопередѣльцы все яснѣе начинали сознавать, что имъ «необходима политическая свобода». А это сознаніе, по словамъ автора, въ свою очередь располагало насъ къ сближенію съ народовольцами (Ibid.).

Итакъ, все дѣло оказывается очень простымъ и понятнымъ. Когда былъ впервые поставленъ вопросъ о политической борьбѣ, чернопередѣльцы, проникнутые утопическою идеею, что «соціализмъ исключаетъ политику», откололись отъ народо-

*) Въ оригиналѣ это выражено даже нѣсколько сильнѣе: er Nutzen des Terrors wird von den Tschernyperedelzy keineswegs völlig geleugnet.

или охватываетъ и Азію? Неизвѣстно. Вѣрнымъ казалось только одно: если Англія вмѣшается въ пользу Японіи, Франція обязана выступить на помощь Россіи: и тогда между Англіей и Франціей возгорится война.

Война съ Англіей!.. При одной мысли о ней похолодѣло въ душѣ самыхъ ярыхъ шовинистовъ и англофобовъ. Война съ Англіей, вѣдь это — потеря всѣхъ колоній, разгромъ столь дорого обошедшагося Франціи флота, потеря лучшаго рынка, общее ослабленіе страны!... Какъ быть?

Страхи эти сказались во всей буржуазной французской прессѣ. Цѣлую недѣлю ея органы, въ особенности «патріотическіе», указывали на то, что союзъ былъ заключенъ въ надеждѣ на «реваншъ», котораго не послѣдовало; что онъ не былъ ратификованъ представителями народа, а потому не дѣйствителенъ. «Мы требуемъ, чтобы правительство въ предстоящихъ осложненіяхъ совѣщалось во всемъ съ палатами». Подразумѣвалось, какъ нѣчто само собой понятное, что на войну съ Англіей парламентъ не отпуститъ ни одного гроша.

Но тутъ что-то произошло. Правительство, повидимому, сообщило что-то подъ сурдинкой лидерамъ партій, или прессѣ. Тонъ послѣдней внезапно измѣнился. Выяснилось, очевидно, что воевать не придется: то-ли трактатъ съ Россіей можетъ быть истолкованъ въ смыслѣ необязательности, то-ли съ Англіей состоялся уговоръ объ обоюдномъ невмѣшательствѣ, или что нибудь въ этомъ родѣ. Угроза столкновенія съ Англіей исчезла; «мы избѣжимъ драки!» сквозитъ въ каждой газетной строкѣ, и сердце буржуазныхъ патріотовъ опять обрѣло мужество. Оппортюнистскій Temps снова помѣщаетъ грозныя статьи противъ соціалистовъ и противъ радикала Клемансо, осмѣлившихся критиковать русскій абсолютизмъ... пресса полна нападками на японцевъ, прославленіемъ главныхъ достоинствъ русской арміи: дисциплины, терпѣнія, выносливости и нетребовательности русскаго солдата. Собираютъ деньги для русскихъ раненыхъ. «Фигаро» публикуетъ дипломатическіе документы по поводу Фашоды съ цѣлью доказать, что «Россія» разыграла въ этомъ инцидентѣ роль вѣрнаго друга. Но, именно всѣ эти любезности показываютъ, что на французскіе штыки царскому правительству расчитывать нечего. Смыслъ этихъ комплиментовъ прекрасно обрисованъ петербургскимъ корреспондентомъ Temps, который говоритъ, что передъ Делькассе стоитъ слѣдующая, «самая деликатная» задача: «уберечь Францію отъ войны, попрежнему обезпечить ей союзника и спасти всеобщій миръ».

**Военныя операціи.** Слѣпой случай сыгралъ съ русскимъ самодержавіемъ жестокую шутку: Николай II выпустилъ свой манифестъ о началѣ военныхъ дѣйствій какъ разъ въ пятидесятую годовщину подобнаго-же манифеста, изданнаго капральской памяти Николаемъ «Незабвеннымъ» при началѣ Крымской войны. И невольно закрадывается въ душу вопросъ: неужели, черезъ полвѣка, намъ суждено повторить страшную Севастопольскую эпопею? неужели еще разъ должны мы пережить великія дѣла народнаго героизма, безсмысленно растраченнаго пигмеями-начальниками, повальное разграбленіе домашними ворами народнаго достоянія, груды тѣлъ безотвѣтныхъ героевъ, обутыхъ въ сапоги на картонныхъ подошвахъ, и накормленныхъ наканунѣ битвы хлѣбомъ, «сдобреннымъ» «для вѣсу» — песочкомъ?

Мы не считаемъ цѣлесообразнымъ издавать ежедневные бюллетени военныхъ извѣстій. Полученіе, обработка, печатаніе, а главное — доставка ихъ въ Россію требуетъ столько времени, что, по полученіи ихъ тамъ, они теряютъ характеръ новостей. Но отмѣчать или суммировать въ каждомъ № Р. Р. такіе факты изъ этой области, которые даютъ возможность въ ней оріентироваться, представить себѣ положеніе дѣлъ въ данный моментъ и освѣтить степень отвѣтственности царскаго правительства предъ народомъ — мы считаемъ необходимымъ.

**Наши неудачи.** *23 января* ст. ст. Японія заявила черезъ своего посла въ Петербургѣ, что она «приметъ самостоятельныя мѣры для обезпеченія своихъ правъ и интересовъ», т. е. прибѣгнетъ къ оружію. Въ это время военный флотъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ: во Владивостокѣ 4 военныхъ корабля, въ Портъ-Артурѣ 19; въ Чемульпо—2; въ Шанхаѣ—1; въ Ньючвангѣ—1; (миноносокъ не считаемъ).

*24 и 25 января.* Русское правительство выказываетъ полную бездѣятельность. Морской штабъ совершенно забываетъ о «Варягѣ» и «Корейцѣ», находящихся въ Чемульпо и о «Манчжурѣ», находящемся въ Шанхаѣ. Корабли эти оставлены на произволъ судьбы — т. е. обречены на вѣрную гибель.

*26 января. Кореецъ* пытается выйти изъ гавани, натыкается на японскій флотъ, который его преслѣдуетъ и заставляетъ вернуться въ гавань. Въ это время въ Портъ-Артурѣ русская эскадра даже не считаетъ нужнымъ принять какія бы то нибыло мѣры для своей охраны. Тамъ или не знаютъ о нападеніи на *Корейца*, или, если знаютъ, то непростительно небрежно относятся къ дѣлу безопасности эскадры. Забываютъ потушить маякъ и тѣмъ указываютъ путь нападающимъ японцамъ. Корабли не освѣщаютъ моря, и вообще высшее начальство обнаруживаетъ полную халатность. Ночью подходитъ нѣсколько японскихъ миноносокъ. Одна за другою заходятъ онѣ въ тылъ эскадры, выбираютъ лучшіе русскіе корабли и ихъ взрываютъ. *Паллада, Цесаревичъ* и *Ретвизанъ* получаютъ такого рода поврежденія, которыя исправить въ Портъ-Артурѣ нельзя.

*27 января.* Въ Чемульпо погибаютъ забытые тамъ корабли: *Варягъ* (капитанъ Рудневъ), и *Кореецъ* (капитанъ Бѣляевъ); а также военный транспортъ *Сунгари*. Японцы высаживаются въ Чемульпо и занимаютъ Сеулъ. Въ это же время они въ Портъ-Артурѣ открываютъ огонь по нашей эскадрѣ и фортамъ.

---

вольцевъ; когда же политическая борьба народовольцевъ стала выступать передъ ними въ иномъ свѣтѣ, они почувствовали склонность къ сближенію. Въ это именно время и состоялось, по совѣту Исполнительнаго Комитета, приглашеніе Кравчинскимъ и Лавровымъ Плеханова въ качествѣ третьяго соредактора. До сихъ поръ все разсказываемое авторомъ, не представляетъ собою ничего новаго и не вызываетъ никакихъ сомнѣній; но затѣмъ, начинается область болѣе личныхъ и болѣе интимныхъ воспоминаній. Авторъ сообщаетъ намъ, какой совершенно неожиданный оборотъ приняло въ его глазахъ это приглашеніе къ соучастію въ редактированіи Вѣстника Народной Воли. Замѣтивъ въ пріѣхавшемъ тогда изъ Россіи Тихомировѣ, который замѣнилъ собою въ редакціонной коллегіи Кравчинскаго, полное разочарованіе въ народовольческой программѣ, авторъ — какъ онъ самъ разсказываетъ это — рѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ въ интересахъ своей собственной группы; пользуясь тѣмъ особымъ настроеніемъ, въ какомъ находился этотъ человѣкъ, уже терявшій тогда свою революціонную вѣру и уже начавшій переживать процессъ того внутренняго разложенія, которое привело его затѣмъ къ политической и моральной смерти, Г. Плехановъ рѣшилъ проводить незамѣтно и, такъ сказать, подпольнымъ путемъ, въ партійномъ изданіи своихъ новыхъ товарищей, ***анти-народовольческія идеи***. Съ этою цѣлью, кромѣ писаннаго редакціоннаго устава, проектъ котораго былъ представленъ Лавровымъ, но останавливаться на которомъ у нашего автора «нѣтъ теперь ни времени, ни охоты, ни надобности», онъ поспѣшилъ выработать вмѣстѣ съ Тихомировымъ другой «неписанный уставъ», въ которомъ два новыхъ союзника опредѣлили «все направленіе будущаго изданія». Конечная цѣль этого неписаннаго устава состояла въ томъ, чтобы «журналъ современемъ объявилъ себя соціальдемократическимъ», хотя авторъ не скрываетъ при этомъ, что онъ «хорошо зналъ» настроеніе русскаго революціоннаго читателя и что самое слово «соціальдемократъ» было тогда въ русской революціонной средѣ (т. е. средѣ народовольцевъ) «обиднымъ, почти бранным словомъ». Что касалось ближайшей цѣли нашихъ тайныхъ союзниковъ, то она заключалась «въ постепенномъ подготовленіи» этой народовольческой среды «къ воспріятію соціальдемократическихъ идей». И — что всего интереснѣе — это «постепенное подготовленіе» должно было происходить не черезъ посредство своего собственнаго органа, а черезъ посредство органа народовольческой же партіи, ошибочно признавшей тогда въ авторѣ своего возможнаго сотрудника.

Планъ былъ настолько смѣлъ, что Г. Плехановъ (дѣйствовавшій, повидимому, по соглашенію со всей своей группой, которая фигурируетъ въ разсказѣ гдѣ-то за кулисами) даже былъ самъ удивленъ, получивъ отъ Тихомирова «эту огромную и совершенно неожиданную уступку». Не задумываясь однако много надъ причинами своего неожиданнаго успѣха*),

*) «Я до сихъ поръ не понимаю, чѣмъ именно руководствовался Тихомировъ, дѣлая мнѣ эту огромную и совершенно неожиданную

Русскіе карабли *Полтава, Діана, Аскольдъ и Новикъ* (капитанъ Эссенъ) получаютъ болѣе или менѣе серьезныя поврежденія.

*29 янв.* Владивостокская эскадра выходитъ въ море, встрѣчаетъ два японскихъ купеческихъ корабля и топитъ одинъ изъ нихъ, «Наканура-Мару». Того же числа транспортъ «Енисей» въ Портъ-Артурѣ взорванъ собственной миной.

*30 января.* Крейсеръ *Бояринъ* терпитъ крушеніе около Дальняго. *Съ 31 на 1 фев.* Японцы снова аттакуютъ русскую эскадру въ Портъ-Артурѣ. Крейсеръ *Баянъ* поврежденъ взрывомъ торпеды.

**Потери съ нашей стороны** выражаются, такимъ образомъ, въ слѣдующемъ: *Потоплены*: Варягъ, Кореецъ, Енисей, Бояринъ. *Сильно повреждены*: Паллада, Ретвизанъ, Цесаревичъ. Полное исправленіе ихъ мѣстными средствами невозможно.

*Повреждены, но могутъ быть исправлены*: Полтава, Діана, Аскольдъ, Новикъ, и Баянъ. Остались невредимыми: во Владивостокѣ 4 корабля; въ Портъ-Артурѣ 9 кораблей; изъ нихъ 5 броненосцевъ, 6 крейсеровъ, 2 канонерки. Съ 1 фев. японцы безпрепятственно высаживаются въ Кореѣ и, по всѣмъ видимостямъ, собираются также высадиться на сѣверо-западѣ отъ Портъ-Артура въ Нючвангѣ, гдѣ находится русскій корабль «Сивучъ». Пушки его перенесены на берегъ для защиты порта, который, вѣроятно, будетъ аттакованъ японцами.

Нючвангъ хотя и на Китайской, нейтральной территоріи, но такъ какъ русскіе вотъ уже 4 года его занимаютъ, то японцы считаютъ себя въ правѣ аттаковать тамъ русскихъ. Занятіемъ Нючванга и линіи желѣзной дороги японцы хотятъ отрѣзать Портъ-Артуръ и осадить его.

Русскія власти перенесли свое мѣстопребываніе въ Харбинъ, оставляя Портъ-Артуръ защищаться собственными силами.

Транспорты добровольнаго флота, везшіе войска въ Манчжурію—отозваны назадъ. Военные корабли, шедшіе въ Манчжурію тоже отозваны и идутъ въ Средиземное море. Со времени открытія военныхъ дѣйствій японцами захвачено свыше десяти русскихъ транспортныхъ судовъ. У японцевъ въ настоящее время: *10 броненосцевъ, 7 первоклассныхъ крейсеровъ, 18 второ-и-третьеклассныхъ, 3 канонерки* и нѣсколько десятковъ миноносокъ.

Первые четыре дня военныхъ дѣйствій уже стоили намъ 282 человѣкъ утонувшими (96), убитыми и ранеными. Съ открытіемъ дѣйствій на сушѣ жертвы будутъ считаться тысячами.

Интересно **мнѣніе одного изъ генераловъ академіи генеральнаго штаба,** недавно читавшаго въ Петербургѣ лекцію о событіяхъ на дальнемъ Востокѣ. Онъ не упоминалъ о «предстоящихъ побѣдахъ» вовсе и, между прочимъ, сказалъ, что «Россія въ очень и очень затруднительномъ положеніи».

**Отдаленность театра войны** отъ Европейской Россіи и установившееся теперь господство Японцевъ на морѣ дѣлаютъ вопросъ о перевозочныхъ средствахъ Сибирской и Манчжурской желѣзныхъ дорогъ кардинальнымъ вопросомъ настоящей войны. Вотъ что говоритъ по этому поводу спеціальный и не заинтересованный ни въ оптимистическую, ни въ пессимистическую сторону нѣмецкій органъ Militär Wochenblatt:

Протяженіе линіи равно около 6000 верстъ. Такъ какъ рельсы уложены лишь въ одинъ путь, то въ день можно пропустить по нимъ не болѣе семи поѣздовъ. Двѣ бригады, отправленныя послѣднимъ лѣтомъ изъ Европейской Россіи въ Читу, ѣхали со средней скоростью 13 верстъ въ часъ. Итакъ, весь путь изъ Европы въ Квантунгъ займетъ 20 дней. Иными словами, отрядъ въ 25000 человѣкъ не можетъ быть доставленъ во Владивостокъ или Мукденъ ранѣе 36 дней. Принимая эти цифры за основаніе, M. Wochenblatt разсчитываетъ, что если 10 февр. (н. ст.) Россія имѣла на дальнемъ Востокѣ 133000 солдатъ, то она не сможетъ довести численность дѣйствующей арміи до 158000 — ранѣе 1 марта (16 февр. ст. ст.), до 183000 — ранѣе 19 (6) марта, до 208000 — ранѣе 4 апрѣля (21 марта) и до 238000 — ранѣе 20 (7) апрѣля! Весь этотъ разсчетъ, конечно, совершенно схематиченъ, т. е. не принимаетъ во вниманіе никакихъ «случайностей», какъ-то: поломки подвижного состава, порчи мостовъ, ошибокъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, поврежденія пути непріятелемъ, или враждебнымъ мѣстнымъ населеніемъ и т. п. Всѣ такія «случайности» неизбѣжны и до какой степени онѣ еще болѣе затруднятъ перевозку войскъ, аммуниціи и припасовъ — невозможно опредѣлить даже приблизительно.

**Роковые недостатки транспорта** указываетъ русскій инженеръ, только что вернувшійся съ Востока. Его свидѣтельство передаетъ петербургскій корреспондентъ *Фигаро*, газеты наиболѣе благопріятной русскому правительству. По его словамъ, не 7, а всего 4 поѣзда въ день могутъ быть пропущены по линіи «и эти поѣзда могутъ перевезти въ совокупности не болѣе 1500 чел.» При одной парѣ рельсовъ разъѣздные пути получаютъ громадное значеніе; «но эти разъѣзды были разсчитаны на длину обыкновенныхъ поѣздовъ, и совершенно недостаточны для поѣздовъ военныхъ, имѣющихъ максимальное число вагоновъ. Транспорты рельсовъ посылаются спѣшно для удлиненія разъѣздовъ». При постройкѣ дорога не была разсчитана ни на многочисленные, ни на очень тяжелые поѣзда. «На пути существуетъ 1871 мостъ. Большинство этихъ мостовъ — деревянные, и ими приходится пользоваться осторожно. Между тѣмъ, 18-фунтовые рельсы уже должны были быть замѣнены 24-фунтовыми, и надо еще считаться съ послѣдствіями той громадной работы, которую задастъ всѣмъ сооруженіямъ усиленное движеніе. Не далѣе, какъ сегодня утромъ, я узналъ о сходѣ поѣзда съ рельсовъ, къ счастью—съ не особенно серьезными послѣдствіями. Все же, инцидентъ

---

Г. Плехановъ немедленно же приступаетъ къ дѣлу и для перваго опыта пишетъ рецензію на книгу Аристова объ А. Щаповѣ, гдѣ въ очень прикровенной формѣ начинаетъ осуществлять свои тайные замыслы, говоря «о суевѣріяхъ прошлаго»,—что должно было намекать на «народническую идеализацію *устоевъ*», о критической оцѣнкѣ «всѣхъ элементовъ нашего народничества», о «непредвидѣнномъ Щаповымъ», не просто демократическомъ, а грядущемъ «соціально-демократическомъ» періодѣ земскаго строенія.

Такъ какъ все это было еще въ высшей степени неясно и неопредѣленно, ибо вращалось около сопоставленія демократическихъ стремленій Щапова съ *соціально* —демократическими стремленіями Чернышевскаго, то рецензія на книгу Аристова не была опротестована никѣмъ изъ членовъ редакціи и попала въ первую книжку Вѣстника Народной Воли. Но Г. Плехановъ очевидно очень сильно расчитывалъ на то вліятельное положеніе, какое еще занималъ тогда въ партіи Тихомировъ, а потому рѣшился «высказаться еще яснѣе» и написалъ для перваго же номера вторую статью «Соціализмъ и Политическая Борьба,» въ которой «пошелъ еще дальше и критиковалъ самое партію Народной Воли,» такъ что даже Тихомировъ при чтеніи этой статьи «морщился и усиленно зѣвалъ». Тогда случилось конечно то, что необходимо должно было случиться и что «слишкомъ опытный въ революціонной дипломатіи» Г. Плехановъ легко могъ бы предвидѣть самъ, еслибы его не влекло такъ сильно въ сторону именно этой «дипломатіи»: другой очень вліятельный членъ Исполнительнаго Комитета, жившій тогда въ Парижѣ, а именно Оловянникова, а также только что пріѣхавшая тогда изъ Россіи Г. Ѳ Чернявская (Бохановская), третій редакторъ Лавровъ и наконецъ Германъ Лопатинъ, хотя еще не вступившій тогда въ организацію, но уже близко интересовавшійся всѣми дѣлами Народной Воли, нашли статью Плеханова совершенно неподходящей и наложили на нее свое veto*). Тогда Тихомировъ долженъ былъ «круто измѣнить свою политику», отговариваясь передъ Плехановымъ тѣмъ, что «молодые товарищи въ Россіи» очень недовольны его сближеніемъ съ чернопередѣльцами; послѣ него Г. Плеханову оставалось только покинуть редакцію. «Это было непріятно, но дѣлать было нечего», — говоритъ по этому поводу Г. Плехановъ.

Такова, по разсказу самого автора, исторія этого кратковременнаго сближенія и расхожденія его съ редакціей Вѣстни-

уступку» — пишетъ Г. Плехановъ, — «вѣроятно тутъ на него повліяли одновременно и его «дипломатія», и его равнодушіе къ теоріи, и его разочарованіе въ народовольческой программѣ, и его желаніе привлечь насъ къ своей «партіи». Но что бы тамъ ни повліяло, а договоръ былъ заключенъ...»

*) Г. Ѳ. Бохановская, передававшая мнѣ о томъ впечатлѣніи, какое произвела въ Парижѣ статья «Соціализмъ и политическая борьба», очень живо припоминаетъ сцену, когда Лопатинъ, встрѣтивъ ее на улицѣ, остановился и, смѣясь, сталъ говорить, какъ всѣ они, даже не сговариваясь, пришли въ одинъ голосъ, къ одному и тому же мнѣнію о статьѣ.

стоила жизни одному солдату, и нитеро других были ранены. Это было въ окрестностяхъ Байкала.

Какъ извѣстно, Кругобайкальская ж. д. еще не готова. Изъ двухъ ледоколовъ, дѣйствовавшихъ на Байкалѣ, одинъ оказался слишкомъ слабъ, другой сѣлъ на мель. Саней и лошадей для транспорта черезъ Байкалъ заготовлено не было. Правда, теперь, подъ личнымъ наблюденіемъ министра путей сообщенія, прокладываются рельсы по льду, но, пока что, люди, кони, понтоны и вагоны толпятся на берегу Байкала и загромождаютъ другъ другу путь», а между тѣмъ, не надо забывать, что несчастные наши солдатики «должны переносить тридцатиградусный морозъ, и что перевозить ихъ въ вагонахъ для скота, т. е. открытыхъ. Намъ пишутъ изъ Москвы, о циркулирующемъ тамъ въ военныхъ кругахъ слухѣ, что много солдатъ прибыло на мѣсто назначенія съ отмороженными руками и ногами.

**Продовольствіе войскъ** описывается тѣмъ же инженеромъ не въ розовыхъ краскахъ. «Сухопутныя наши войска имѣютъ достаточно медикаментовъ», говоритъ онъ, «но для отправки имъ надлежащаго количества провіанта не было еще времени, а такъ какъ во всей Манчжуріи всего *четыре* паровыхъ мельницы, — такъ какъ на мѣстѣ невозможно найти ничего, что могло бы служить для обычнаго продовольствія европейцевъ, и такъ какъ весь провіантъ для всей арміи придется доставлять изъ Европы, то всѣ наши люди въ настоящее время продовольствуются рисомъ». Конечно, и рисъ — пища, но для русскаго солдата — непривычная, тогда какъ японское правительство, какъ извѣстно, отклонило предложеніе чикагской фирмы о поставкѣ консервированнаго мяса на томъ основаніи, что японская армія продовольствуется рисомъ и рыбой.

Провіантъ для русской арміи двинутъ уже изъ Петербурга и въ особенности изъ Москвы; но *когда* онъ дойдетъ до своего назначенія, объ этомъ можно догадываться по изложеннымъ выше даннымъ о провозоспособности Сибирской ж. д. Въ сторонѣ же отъ этой линіи нѣтъ и такой провозоспособности, и все должно будетъ двигаться на колесахъ или на саняхъ, среди враждебнаго населенія.

Какъ извѣстно, власти предписали мирному населенію Владивостока выселиться, въ виду недостаточности на мѣстѣ съѣстныхъ средствъ. Изъ иностранныхъ источниковъ видно, что въ Портъ-Артурѣ опасаются недостатка прѣсной воды.

Вѣнскій корреспондентъ *Таймса* сообщаетъ, что мѣстные военные круги, признавая военныя достоинства ген. Куропаткина, сомнѣваются однако, «будетъ ли онъ въ состояніи создать порядокъ среди очевиднаго хаоса, хотя, если бы у него было на то достаточное время, онъ, можетъ быть, и смогъ бы исправить на театрѣ войны тѣ ошибки, которые самъ сдѣлалъ, сидя въ Петербургѣ».

**Грузъ консервированной провизіи**, бывшій на пароходѣ [illegible] и предназначенный для Портъ-Артура, конфискованъ японцами въ Нагасаки. Милліонъ фунтовъ мяса отправляется изъ Санъ-Франциско другой компаніей въ Шанхай для переправки въ Портъ-Артуръ, въ надеждѣ избѣжать японскихъ пароходовъ.

По словамъ галиційскихъ газетъ, въ интендантскихъ складахъ Европейской Россіи обнаружены большіе недочеты. Потому изъ Варшавскаго склада, который оказался въ исправности, взято почти все, что тамъ было. Между тѣмъ количество войскъ въ Варшавскомъ военномъ округѣ усиленно увеличивается.

**Количество государственныхъ кредитныхъ билетовъ**, находившихся въ обращеніи до 1 февраля (ст. ст.), равнялось 680 м. рублей. Новый выпускъ бумажныхъ денегъ въ 50 мил. руб. объявленъ и немедленно произвелъ паденіе русскихъ государственныхъ бумагъ на Берлинской биржѣ. Есть извѣстіе, что мѣстное населеніе Манчжуріи отказывается принимать русскіе кредитные билеты. Русскій государственный банкъ повысилъ дисконтный процентъ.

**Царство кулака въ арміи**, пошатнувшееся за время министерства Милютина, было, какъ извѣстно, возстановлено въ царствованіе Александра III и съ тѣхъ поръ развивалось. Пренебреганіе чувствомъ собственнаго достоинства солдата, оно развито во многихъ частяхъ войскъ, подъ руководствомъ сильно понизившагося средняго типа офицера, съ способностью къ разнузданности, которая такъ возмутительно ярко проявилась въ послѣднюю Русско-Китайскую войну. Повидимому, то же происходитъ и теперь. Въ Ньючвангѣ гражданскія власти оказались безсильны противъ безобразій и насилій, учиненныхъ русскими солдатами, вмѣстѣ съ русской мѣстной полиціей, надъ мирными жителями. По словамъ агентства Рейтера, вообще благожелательнаго русскому правительству, «капитанъ полицейской службы, вмѣстѣ съ десятью рядовыми, разбили безъ всякаго повода гостинницу одного нѣмца, гдѣ жило трое японцевъ, которымъ гражданская администрація обѣщала покровительство. Японцевъ связали, искололи, ограбили у нихъ пищу, деньги и драгоцѣнности. Американскій консулъ Миллеръ съ большимъ трудомъ спасъ этихъ ни въ чемъ неповинныхъ японцевъ, а также трехъ уѣзжавшихъ женщинъ, которыхъ гражданскій чиновникъ увѣрилъ въ полной ихъ безопасности». Гражданская власть въ Ньючвангѣ сдѣлала все отъ нея зависящее, чтобы арестовать русскихъ солдатъ, виновныхъ въ насиліяхъ надъ иностранцами и враждебныхъ демонстраціяхъ противъ англійскаго и американскаго судовъ, стоящихъ въ гавани; но безрезультатно.

Японскій консулъ въ Чи-фу заявляетъ, что русскія власти обращались съ японцами, выселившимися изъ Манчжуріи, гуманно; но что уѣзжавшіе потерпѣли страшно отъ русскихъ

---

ка Народной Воли. Можно было бы только удивляться, съ какой стати автору пришло въ голову повѣдать объ этомъ событіи всему міру, если бы въ изложеніе исторіи своего *расхожденія* онъ не ввелъ одной очень рискованной гипотезы, которая очевидно должна была, по его мнѣнію, придать такое новое и оригинальное освѣщеніе какъ его выходу изъ редакціи Вѣстника Народной Воли, такъ и окончательному составу этой редакціи, что ради одного этого онъ, уже не задумываясь, рѣшился подѣлиться съ читателями всѣми вышеизложенными перипетіями своего «сближенія». Дѣло въ томъ, что крутая перемѣна Тихомирова въ обращеніи съ группой бывшихъ чернопередѣльцевъ какъ разъ совпала съ пріѣздомъ заграницу извѣстнаго предателя Дегаева, и вотъ Плехановъ заканчиваетъ свою статью слѣдующимъ многознаменательнымъ абзацомъ:

«Мнѣ остается прибавить только два слова: *Дегаевъ уже былъ тогда въ сношеніяхъ съ Судейкинымъ*, чего не подозрѣвали ни мы, ни г. Тихомировъ, стало быть, *дегаевская поѣздка заграницу для передачи г. Тихомирову мнѣнія «молодыхъ товарищей» о сближеніи его съ нами не обошлась безъ участія Судейкина*. Думайте объ этомъ, что хотите, я же повторю: *человѣкъ предполагаетъ, а тайная полиція располагаетъ*».

«Da liegt der Hund begraben». Вотъ, значитъ, гдѣ сосредоточенъ главный интересъ всей этой исторической экскурсіи: думайте объ этомъ, что хотите, но выходитъ какъ будто такъ, что Судейкинъ, въ извѣстный моментъ, могъ оказать извѣстное и даже рѣшающее вліяніе на окончательный составъ редакціи Вѣстника Народной Воли; причемъ оказывается также, что уже близившіеся къ осуществленію планы группы бывшихъ чернопередѣльцевъ и будущихъ соціалъ-демократовъ были неожиданно разрушены благодаря вмѣшательству тайной полиціи: мина, подведенная съ такимъ успѣхомъ Г. Плехановымъ, неожиданно встрѣтилась съ миной, подведенной политическимъ сыскомъ.

Такова гипотеза, выдвигаемая Г. Плехановымъ въ объясненіе постигшей его неудачи. Прежде всего необходимо замѣтить, что эта гипотеза является простой догадкой Г. Плеханова, ничѣмъ не подтверждаемой въ его собственномъ разсказѣ, ибо мы нигдѣ не находимъ въ немъ упоминанія о томъ, чтобы Тихомировъ связывалъ выставленный имъ мотивъ отказа съ пріѣздомъ Дегаева. Не лишнее, быть можетъ, замѣтить также, что гипотеза Г. Плеханова плохо вяжется даже съ тѣми данными, которыя онъ самъ приводитъ въ своемъ разсказѣ. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ, что Тихомировъ, столкнувшись неожиданно съ Дегаевымъ на женевской улицѣ, былъ чрезвычайно удивленъ, ибо считалъ Дегаева сидящимъ тогда (лѣтомъ 1883 г.) въ тюрьмѣ. Между тѣмъ Дегаевъ, какъ извѣстно, былъ на свободѣ еще съ начала января 1883 г., когда жандармы устроили ему въ Одессѣ подложный побѣгъ, причемъ этотъ «удачный» побѣгъ произвелъ тогда огромную сенсацію во всемъ революціонномъ мірѣ. Теперь спрашивается: могъ ли Тихомировъ не знать лѣтомъ 1883 г. о побѣгѣ Дегаева, случившемся въ январѣ? А если до Тихомирова еще не дошли тогда слухи объ этомъ побѣгѣ, то вѣдь это значитъ, что всѣ связи

солдатъ, которые не стѣснялись грабить ихъ по дорогѣ. «Даже, предполагая въ этомъ извѣстную долю преувеличенія», говоритъ корреспондентъ *Таймса*, «нужно признать, что русскіе солдаты выказали значительный недостатокъ дисциплины».

23 (10) февраля всѣ наличные въ Ньючвангѣ консулы имѣли совѣщаніе съ цѣлью выработать однообразный планъ дѣйствій для обезпеченія нейтралитета этого порта. Консулы рѣшили запросить мнѣніе русскихъ властей, прежде чѣмъ предпринять какой либо рѣшительный шагъ. Происходитъ обмѣнъ телеграммъ между американскимъ адмираломъ Эвансомъ и вашингтонскимъ правительствомъ по этому поводу. Поговариваютъ о высадкѣ американскаго десанта въ Ньючвангѣ для защиты консульства.

Увѣряютъ, что въ Портъ-Артурѣ учащаются случаи разбоя со стороны манчжурскихъ конныхъ бандитовъ и русскихъ солдатъ. Весь персоналъ служащихъ въ лавкахъ вооруженъ для защиты магазиновъ.

**Запоздалое перевооруженіе.** Намъ пишутъ, что въ нѣкоторыхъ полкахъ 17 армейскаго корпуса солдатамъ даютъ ружья новаго образца, какихъ они еще не видали и съ которыми не умѣютъ обращаться, такъ что все полковое начальство удивлено этимъ фактомъ.

**Среди врачей**, отправляемыхъ на Дальный Востокъ, замѣчается огромный процентъ евреевъ и поляковъ.

**Общественное настроеніе.** По увѣренію «Москов. Вѣд.» (№ 32), на Руси «уже не слышно ничего, кромѣ заявленія самой сути души народной» «по всѣмъ городамъ одновременно, безъ малѣйшей возможности подражанія, безъ малѣйшей возможности сговориться»... «толпы идутъ съ тысячеголоснымъ пѣніемъ гимна и молитвъ къ Царю Небесному за Царя земнаго»... «въ то время, когда общественныя учрежденія голосуютъ всеподданнѣйшія выраженія преданности, а частныя и общественныя пожертвованія добровольно стремятся въ помощь Государству».

Что общественная помощь раненымъ—какъ деньгами, такъ и личнымъ самоотверженнымъ трудомъ — приметъ огромные размѣры—это естественно. Странно и грустно было бы, если бы матери, жены, сестры, отцы, друзья, знакомые и даже просто оставшіеся въ теплѣ и безопасности, русскіе люди не позаботились о тѣхъ своихъ близкихъ, или соотечественникахъ, которыхъ «погнали» умирать. Черствость—не русская черта. Но она еще не говоритъ о лойяльности. «Всеподданнѣйшіе адресы»? Но кто-же изъ трезвыхъ людей, знающихъ нашу общественную неискренность, воспитанную вѣками полицейскаго самодержавія, повѣритъ имъ? Есть, конечно, благородные холопы, которые искренно распинаются на крестѣ вѣрноподданничества. Но «по нынѣшнимъ временамъ» такіе не составляютъ уже большинства. Большинство смотритъ на всѣ эти припаданія «къ стопамъ», какъ на «условную форму», избавляющую отъ многихъ непріятностей. Но если бы Николай II вздумалъ положиться на этого рода лойяльность къ минуту явной для его трона опасности, то лишь еще разъ подтвердилъ бы свое званіе недоросля.

Остаются уличныя манифестаціи. Мы не станемъ, конечно, отрицать наличности среди «толпы» въ обширномъ смыслѣ слова — національнаго тщеславія, смѣшенія лойяльности царю съ любовью къ родинѣ и т. п. Но дѣло вѣдь не въ существованіи такихъ чувствъ и недомыслія, а въ томъ, какой процентъ составляютъ они рядомъ съ равнодушіемъ, мрачнымъ сознаніемъ, что нужно противъ воли справлять въ чужомъ пиру похмѣлье, наконецъ,—съ вполнѣ сознательнымъ отношеніемъ къ положенію дѣлъ, ненавистью къ виновникамъ бѣдствія и рѣшимостью — положить конецъ вотчинному управленію русскимъ государствомъ. И если мы проанализируемъ «патріотическія» манифестаціи при свѣтѣ сообщеній, немогущихъ попасть въ легальную печать, то мы увидимъ, что во всѣхъ этихъ «заявленіяхъ самой сути души народной», есть преизрядная доля самой грубой полицейской подделки. «Въ общемъ», говоритъ Варшавскій корреспондентъ *Таймса* (отъ 11 февр. н. с.), «публика не выходитъ изъ состоянія спокойствія; хоры военной музыки расхаживаютъ по улицамъ провинціальныхъ городовъ, очевидно, съ цѣлью возбудить военный задоръ». Но это лишь самая невинная сторона дѣла. Начальство не только считаетъ нужнымъ «побуждать»—къ развитію безъ того недостаточной лойяльности и барабаннаго патріотизма; оно явно боится проявленія анти-лойяльности и принимаетъ драконовскія мѣры. И это понятно, ибо анти-лойяльность проявляется открыто, и недовольство растетъ.

**Свидѣтельство князя Э. Э. Ухтомскаго** о причинахъ войны и общемъ настроеніи въ Россіи имѣетъ несомнѣнную цѣну, такъ какъ директора Русско-Китайскаго банка и издателя «Петерб. Вѣд». нельзя заподозрить ни въ недоброжелательствѣ къ самодержавію, ни въ національномъ пессимизмѣ. Мнѣнія князя напечатаны во «Frankfurter Zeitung» въ формѣ интервью. Князь признаетъ, что русская публика относится къ войнѣ «*апатично*» и находитъ это вполнѣ естественнымъ: «*не можетъ быть войны менѣе популярной, чѣмъ настоящая*». Въ восточно-азіатскую авантюру мы втянуты вопреки волѣ народа, «принимая этотъ терминъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова». Началась эта авантюра съ постройки Манчжурской дороги и портовыхъ сооруженій на крайнемъ Востокѣ въ видахъ расхищенія ассигнованныхъ на то милліоновъ. «Портъ-Артуръ вовсе не былъ намъ необходимъ: какъ гавань, онъ не лучше и не хуже Владивостока и во всякомъ случаѣ не менѣе подверженъ замерзанію. Мы принуждены были — въ угоду безотвѣтственнымъ и ни о чемъ не думающимъ совѣтникамъ — стать ближайшими сосѣдями японцевъ, которымъ мы принесли все, что угодно, только не добрыя сосѣдскія чувства». «Въ

---

между заграницей и революціонной средой въ Россіи были въ то время совершенно прерваны; но какъ же въ такомъ случаѣ «молодые товарищи въ Россіи» могли догадываться о начавшемся сближеніи между Тихомировымъ и чернопередѣльцами? Наконецъ, гипотеза Г. Плеханова очень плохо вяжется также съ тѣмъ обстоятельствомъ, что Судейкинъ, какъ извѣстно, склоненъ былъ скорѣе противодѣйствовать народовольческому направленію, чѣмъ способствовать ему въ революціонной литературѣ; такъ что въ нѣкоторыхъ своихъ бесѣдахъ съ арестованными революціонерами онъ даже прямо называлъ себя чернопередѣльцемъ, предлагая содѣйствовать возникновенію чернопередѣльческаго органа; съ какой же стати онъ сталъ бы въ данномъ случаѣ служить помѣхой сближенію чернопередѣльцевъ съ народовольцами?

Главная несостоятельность плехановской гипотезы заключается, впрочемъ, не въ этомъ; главная ея несостоятельность заключается въ совершенной ея ненужности. Ибо если Тихомирова могли заставить измѣнить свое рѣшеніе отзывы «молодыхъ товарищей въ Россіи», переданные ему Дегаевымъ, то какое же можетъ быть сомнѣніе, что въ еще большей степени должны были поколебать и смутить его единодушные отзывы его ближайшихъ *старыхъ* товарищей, вліятельнѣйшихъ членовъ партіи, жившихъ тогда въ Парижѣ? Неужели же можно представить себѣ такое положеніе дѣлъ, при которомъ эти вліятельные члены партіи, ни мало не разочарованные въ программѣ Народной Воли, не воспротивились бы даже первымъ попыткамъ проводить въ ихъ партійномъ органѣ анти-народовольческія идеи? Зачѣмъ же, спрашивается, понадобилось Г. Плеханову искать еще другого и притомъ столь неправдоподобнаго объясненія постигшей его неудачи?

Совершенная ненужность и крайнее неправдоподобіе этого объясненія еще болѣе должны бросаться въ глаза всѣмъ тѣмъ, кому хоть сколько нибудь извѣстна дѣйствительная причина пріѣзда Дегаева заграницу въ концѣ лѣта 1883 г.

«Дѣло въ томъ, что предательская работа Дегаева, начавшаяся немедленно же послѣ его подложнаго бѣгства (10 февраля онъ уже устроилъ выдачу В. Фигнеръ) стала къ лѣту 1883 г. мало по малу обнаруживаться для революціонеровъ: «Подозрѣнія молодежи росли» — читаемъ мы въ однихъ неизданныхъ воспоминаніяхъ — «кругомъ все было уничтожено... Петербургская молодежь наконецъ рѣшилась отыскать предателя во что бы то ни стало; нѣкоторыя лица прямо указывали на Дегаева. Для выясненія его поступковъ была назначена сходка, на которой онъ долженъ былъ присутствовать». И вотъ, чувствуя тогда свою жизнь въ опасности, онъ попросилъ у Судейкина командировку заграницу и явился къ Тихомирову, сначала только для того, чтобы пощупать почву, не раскрытъ ли онъ. Но разговоръ съ Тихомировымъ заставилъ его сознаться во всемъ. Съ этой минуты началось его дальнѣйшая эпопея. Такова въ нѣсколькихъ словахъ исторія этого пріѣзда.

Послѣ вырваннаго у Дегаева признанія въ его предательской игрѣ съ Судейкинымъ, съ него было взято тогда же обязательство вернуться въ Петербургъ и какъ можно скорѣе исполнить то, цѣною чего онъ хотѣлъ спасти свою жизнь: вы-

этой войнѣ мы рѣшительно ничего не можемъ выиграть, принося огромныя жертвы людьми и деньгами»

**Финансовая паника** является гораздо болѣе краснорѣчивою иллюстраціею общественныхъ чувствъ по поводу войны, чѣмъ пѣніе «гимна». Средній классъ кинулся въ Государственный банкъ вынимать свои вклады; употреблялись подставныя лица и всякія уловки, чтобы вынуть изъ рукъ правительства побольше денегъ. Крестьянство и имущественная мелкота сразу потребовали назадъ свои сбереженія изъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ, такъ что министръ финансовъ счелъ нужнымъ выпустить особый увѣщательный циркуляръ къ публикѣ, увѣряя ее, что это «ничего», что русскія процентныя бумаги пали на всѣхъ биржахъ, и убѣждая — не брать своихъ денегъ.

Интересно сопоставить съ этимъ тотъ фактъ, что подписка на національный японскій внутренній заемъ въ 90 съ лишнимъ милліоновъ рублей достигла лишь въ трехъ японскихъ городахъ суммы въ 150 милліоновъ. По послѣднимъ извѣстіямъ общая цифра подписки въ государствѣ превосходитъ уже 250 милліоновъ рублей.

**Одесса.** Наканунѣ отъѣзда войскъ на дальній Востокъ офицеръ застрѣлилъ солдата за пѣніе пѣсни послѣ переклички. Одинъ солдатикъ 1?-ой бригады разсказывалъ намъ со слезами на глазахъ объ этомъ случаѣ: «застрѣлилъ, какъ собаку», говорилъ онъ.

Передъ уходомъ на вокзалъ солдатъ спаиваютъ, родныхъ не подпускаютъ близко и, вмѣсто того, чтобы дать солдату передъ отъѣздомъ сосредоточиться, заставляютъ таскать офицерскіе сундуки съ вещами. Все время отъѣзжающихъ отчаянно трещатъ и оглушаютъ военные оркестры музыки.

Въ женской гимназіи бывшей Шальнъ-Пиллеръ ученицамъ-еврейкамъ выставили тройки въ поведеніи за то, что во время молебствія онѣ не стали на колѣни.

**Москва.** Двадцать седьмого января, произошелъ любопытный инцидентъ въ губернскомъ земскомъ собраніи. Въ этотъ день предполагалось обсужденіе вопроса о мелкой земской единицѣ и публики собралось довольно много — человѣкъ 120-150, все больше студенты, курсистки, земскіе служащіе и т. д. Передъ началомъ собранія распространился слухъ, что обсужденія вопроса о мелкой земской единицѣ не будетъ и публика собралась было уходить. Явились между тѣмъ гласные, усѣлись. Подымается губернскій предводитель дворянства князь Трубецкой и произноситъ «блестящую» рѣчь, съ которой вы познакомитесь изъ «Русс. Вѣд.». Въ публикѣ послышалось легкое движеніе и шиканье. Свою рѣчь Трубецкой закончилъ предложеніемъ послать царю телеграму съ выраженіемъ вѣрноподданнѣйшихъ чувствъ. И въ то время, когда гласные единогласнымъ вставаньемъ выражаютъ свое согласіе, въ публикѣ движеніе все усиливается и уже явно слышны звуки протеста и порицанія.

Что бы какъ нибудь замять скандалъ и выпутаться изъ неловкаго положенія, гласные съ кн. Трубецкимъ во главѣ пытаются грянуть «ура» и слиться въ единодушномъ восторгѣ» по поводу телеграммы, но это робкое и жидкое «ура» совершенно потонуло въ шиканьѣ и свистѣ публики, оставшейся сидѣть на мѣстахъ прямо противъ гласныхъ, въ какихъ нибудь 3-хъ шагахъ отъ нихъ.

Скандалъ получился страшный. Тогда профессоръ московскаго университета, зоологъ Зографъ, бывшій въ числѣ гласныхъ, бросается чуть не съ пѣной у рта къ публикѣ: «Встать! Всѣ встать! Ура!» Часть публики, повидимому отъ неожиданности, начала было вставать, другая же демонстративно осталась на мѣстахъ. Зографское «ура» не нашло себѣ поддержки даже и среди гласныхъ. Тогда этотъ почтенный профессоръ обращается къ сидящимъ и начинаетъ кричать: «Встать, мерзавцы! Какъ вы смѣете!» Тутъ у него оказался союзникъ въ лицѣ корреспондента «Моск. Вѣдом.», тоже бросившагося къ публикѣ съ криками «мерзавцы, негодяи, встать!» Шумъ, крикъ и свистъ въ публикѣ поднялся невообразимый. «Это позоръ для земства!» «Какой стыдъ!» и т. д. Одинъ студентъ на всю залу заявляетъ нервнымъ голосомъ: «Мы думали, что здѣсь земство, а тутъ, оказывается, полиція» и публика, какъ одинъ человѣкъ, выходитъ изъ залы, а гласные, къ ихъ чести совершенно не поддержавшіе достойнаго мужа науки и его союзника, удаляются для составленія телеграммы. Этимъ инцидентъ не окончился.

Вышедшая изъ залы публика столпилась у колоннъ, (засѣданіе происходило въ Екатерининской залѣ дворянскаго собранія) чтобы обсудить инцидентъ и прійти къ какому нибудь общему рѣшенію. Сначала рѣшено было всѣмъ вовсе удалиться изъ собранія, чтобы чтеніе телеграммы прошло при пустой залѣ, но потомъ это отвергли и рѣшили требовать извиненія со стороны Зографа, порицанія ему отъ лица всего собранія и совершеннаго удаленія корреспондента «Моск. Вѣд.» изъ залы засѣданій, а самимъ войти въ залу, выслушать извиненія Зографа и выйти всѣмъ демонстративно, когда начнется чтеніе телеграммы. Обсужденіе этихъ вопросовъ продолжалось часа $1\frac{1}{2}$, при чемъ публика извнѣ уже не пускалась. Въ качествѣ делегатовъ со стороны земскаго собранія явились на эту импровизированную сходку либералы-земцы какъ напр. кн. П. Долгорукій и др. Они всячески старались замять весь инцидентъ, говорили о своемъ сочувствіи молодежи, о томъ, что они вполнѣ ее понимаютъ и цѣнятъ, что уже громаднымъ большинствомъ голосовъ въ отдѣльной комнатѣ высказали свое порицаніе Зографу, но что передъ лицомъ всего собранія они не имѣютъ права дѣлать ему выговоръ, что этотъ фактъ надо игнорировать, такъ какъ Зографъ оказался въ единственномъ числѣ въ своемъ «патріотизмѣ, воодушевленіи» и т. д. Говорили также и о долгѣ вѣжливости, о различныхъ условностяхъ, которыхъ такъ трудно избѣжать въ обыденной жизни, (къ этимъ условностямъ они причисляли и посылку телеграммы) и т. д. и т. д. Въ результатѣ всѣхъ этихъ кисло-сладкихъ разговоровъ, земское собраніе согласилось удовлетворить требованіе публики т. е. удалить корреспондента «Моск. Вѣд.» и заставить извиниться Зографа. Между прочимъ въ это же время произошелъ другой инцидентъ: корреспондентъ злополучныхъ «Моск. Вѣд.» вздумалъ было появиться въ публикѣ и распространиться о недостаткѣ патріотизма, но его встрѣтили такими единодушными криками: «негодяй, мерзавецъ, подлецъ!» что онъ поспѣшилъ скрыться и уже больше не показывался.

Когда собраніе, послѣ такого продолжительнаго перерыва, открылось, Трубецкой обратился къ публикѣ и заявилъ, что произошелъ довольно печальный инцидентъ, одинъ изъ виновниковъ котораго, корреспондентъ «Моск. Вѣд.», удаленъ; а Зографъ самъ дастъ объясненіе. Подымается сейчасъ же Зографъ и говоритъ, приблизительно, слѣдующее, обращаясь къ предсѣдателю: «Ваше сіятельство, послѣ вашей прекрасной, высокопатріотической, блестящей рѣчи, я, охваченный порывомъ воодушевленія, позволилъ себѣ нѣсколько рѣзкихъ выраженій по адресу одного изъ присутствующихъ въ публикѣ, въ чемъ и прошу собраніе принять мои извиненія и мое глубокое сожалѣніе по поводу позволенной мною рѣзкости». Сказалъ и сѣлъ. Вся его рѣчь была встрѣчена легкимъ шиканьемъ.

Послѣ введенія начинается чтеніе телеграммы. Но едва раздалось «Всемилостивѣйшій Государь! . . . . . .» и публика, какъ одинъ человѣкъ, подымается съ мѣстъ и удаляется изъ залы

---

дать революціонерамъ самого Судейкина. Дегаевъ уѣхалъ въ Петербургъ, но очень долго тянулъ свои приготовленія. Тогда его опять вызвали заграницу, уже въ ноябрѣ 1883 г., и на этотъ разъ съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ обратно въ Петербургъ Германъ Лопатинъ. Послѣ Лопатинъ привезъ обратно Дегаева въ Лондонъ, гдѣ онъ и находился нѣкоторое время подъ наблюденіемъ революціонеровъ до отъѣзда своего въ Америку.

Такъ вотъ, слѣдовательно, при какихъ обстоятельствахъ и съ какими намѣреніями явился Дегаевъ въ Женеву въ тотъ день, когда Тихомировъ и Плехановъ встрѣтили его неожиданно на улицѣ. Теперь спрашивается, возможное-ли дѣло, чтобы Дегаевъ, явившійся къ Тихомирову при такихъ условіяхъ и доведенный въ разговорѣ съ нимъ до полнаго признанія своего предательства, могъ въ то же время фигурировать въ глазахъ Тихомирова въ качествѣ уполномоченнаго отъ «молодыхъ товарищей въ Россіи»? Съ другой стороны, возможное-ли дѣло, чтобы Дегаевъ, раскрывшій Льву Тихомирову всѣ самые сокровеннѣйшіе планы Судейкина, не сообщилъ ему также и о планѣ, направленномъ противъ чернопередѣльцевъ, если бы таковой планъ существовалъ на самомъ дѣлѣ?

Итакъ, мы снова повторяемъ: зачѣмъ понадобилось Г. Плеханову вытащить на божій свѣтъ эту «поучительную» исторію своего «сближенія» съ Тихомировымъ и это столь мало вѣроятное объясненіе своей неудачи?

*Л. Шишко.*